

Сессия закончилась, и я приехала к тётке Клаве в Асино, что недалеко от Томска. Утром проснулась от печально-печувучего голоса рыжеволосой кудрявой женщины, гладившей меня по голове:

– Галя-то могла стать Санечкиной и моей дочкой. Не сбылось, война проклятая помешала.

Тётя Клава успокаивала незнакомую мне женщину:

– Хватит, Фрося, плакать. Столько лет прошло, а всё ревёшь по Санечке.

– Ещё и во сне вижу. Смотри, у Гали глаза, брови, нос, уши Санечкины.

Сели за стол. Фрося протягивала тётки Клавины постряпушки:

– Ешь как следует. Поди, голодаете в общежитии.

В тот далёкий от сегодняшнего день я узнала о любви на всю жизнь Фроси к моему отцу. Санечка был совсем не богатырского телосложения, парни покрасивей ходили вокруг рыжеволосой красавицы. Но уж такой деликатный, разговорчивый, весёлый. Вот и влюбилась Фрося в Санечку.

Со щёк женщины текли торопливые слёзные ручейки, которые она даже не пыталась вытирать, и всё вспоминала, вспоминала:

– Война проклятая помешала нашему с Санечкой счастью, доченька. Его отец погиб, сын прибавил годы и ушёл на фронт. Многие так делали. Писал Санечка с фронта, а я целовала военные треугольнички и буквинки ровненькие. Но пришло чёрное известие: погиб.

В то непростое время для несостоявшейся отцовой невесты вернулся с фронта сосед на уцелевшей ноге. Сосватал солдат девушку. Когда после Победы приехал Санечка, у Фроси побелели виски. На фронт отец уходил весёлым парнем, вернулся серьёзным и молчаливым и не по годам взрослым мужчиной. Конечно, Санечка не обходил вниманием женщин и девчат. Фрося плакала, ревновала, мужа так и не полюбила, хотя тот в жене души не чаял.

Санечка сменил военные погоны на мирные, получил образование, должность. Через три года женился на учительнице, моей матери. Невмоготу было Фросе смотреть на счастливую пару, уговорила мужа уехать к родне в Асино. Дом купили возле тётки Клавы. Надо же было такому произойти: именно в этот город отца перевели из Томска. Увидела Фрося своего Санечку у соседки и упала в обморок.

***

Прошли не просто годы – десятилетия. Я давно из студентки превратилась в пенсионерку. Фрося похоронила мужа, сына, ослепла, живёт в Рождественке у внучки. Туда мы с тёткой Клавой и поехали. Фрося ждала гостей с утра. Одев новую юбку, кофту, повязав нарядный фартук, она сидела на лавочке у ворот.

За стол Фросю и меня посадили рядом. Нашупав в вазе пирожок, она шептала:

– Ешь, Галя, нагуливай тело. Нежирненькая ты, в Санечкину породу пошла.

Отобедав, мы с Фросей уселись на диван. Прижалась седенькая ко мне:

– Дай поглажу лицо. Ой, уже морщинки. Да знаю, как нелегко оставаться без сынов-Санечек, называться Санечкиной и моей дочкой.

Узнав, что отец умер, Фрося опечалилась: хоть он помладше, рановато улёгся в землю-матушку:

– Всё война проклятая, ранения да ужасы. С фронта Санечка вернулся с простреленными ногами да больным желудком. А и потом работка-то у отца твоего была не из простых.

Слушала Фросю, грелась у её тёплого бока, мучаясь мыслью: сказать или промолчать? Ведь отец на год был командирован в Рождественку. Не смогла скрыть. Фрося всплеснула сухонькими руками:

– То-то всё время моё сердце трепетало, доченька. Какое счастье выпало! Хоть в последние годочки подышу тем же воздухом, что и Санечка!

Но тревожила ещё одна мысль: отдать или оставить? Подумала и достала из кармана любимый мною носовой платок отца. Фрося поцеловала его, прижала к сердцу, опять поцеловала и заплакала:

– Санечкой пахнет. Скажу внучке, пусть с этим платком меня в вечную жизнь отправят, а голову покроют тем, что ты подарила. Ой, Галя, ведь могла же стать Санечкиной и моей дочкой. Война жестокая помешала.

Да, если бы не война, у многих судьбы сложились по-иному. У меня, может, были бы другие мать, имя, жизнь. Но тогда не было бы этой житейской истории.

